

Электричка из Куйбышева прибыла по расписанию, с точностью до секунды. В здании железнодорожной станции Мастрюково было многолюдно. Это были в основном молодые люди. Рюкзаки разных размеров и расцветок за плечами, баулы с палатками, скатки подстилочных ковриков, сумки и пакеты с провизией в руках. Прокопчённые котелки и чайники, прикреплённые ремешками к рюкзакам, покачивались на ручках в такт движения их владельцев и глухо побрякивали, ударяясь в толчее со своими собратьями, стенами и косяками.

Туристы! У многих были гитары. С потёртыми грифами, разошедшимися деками, с торчащими концами струн на блестящих колках, эти неизменные спутники туристов сопровождали их в походах и переходах, сплавах и восхождениях. А в этот уикенд туристский атрибут был особо в почёте. В первый июльский уикенд 1988 года.

У нескольких столиков выстроенных в ряд вдоль стены зала ожидания организовывалась очередь. Дождавшись своей, мы, внеся чисто символическую плату, получили билеты. На прямоугольном куске тонкого картона, перехваченного обыкновенным шпагатом из искусственного шёлка через

пробитые дыроколом отверстия, красовалась надпись: «Добро пожаловать. XV Туристский фестиваль патриотической песни им. В. Грушина, 88».

В долине между Мастрюковскими озёрами на огромной поляне вырос палаточный город с «населением» около сто тридцать тысяч жителей. «Кварталы» отделялись между собой двумя рядами натянутых на полуметровой высоте верёвок, закреплённых на деревянных колышках, образуя «проспекты», «улицы» и «переулки». Каждый квартал имел своё название – «Москва», «Саратов», «Казань», «Куйбышев», «Уфа»...

Мы, поставив свою обыкновенную брезентовую двухместку на окраине уфимского квартала и немного перекусив, отправились на обзорную экскурсию по «городу». Солнце единолично господствовало на лазурном небосводе. Было очень жарко. А на земле царили музыка и слово. Дресс-кода, как такового, не было, и бывалый туристский народ особо себя не утруждал в подборе туалетов. Пляжный вариант вполне подходил в этот июльский зной. Разве только для того, чтобы выйти на сцену, приходилось облачаться в «концертные» майки, футболки, шорты, юбки или джинсы.

Возле сцены под лёгким матерчатым шатром с вкусным названием «Чайхана» собралась довольно-таки внушительная толпа зрителей. Люди сидели на корточках, просто на траве или стояли, стараясь не мешать друг другу. Малыши на плечах у пап покачивались в такт известных мелодий, не раз слышанных, перепетых, сотни раз переписанных с бабинников на кассетники, а сейчас исполняемых их автором.

На сцене сидел на простом деревянном стуле, закинув ногу на ногу, примостив изгиб гитары на бедро, проникновенно пел, перебирая струны, сам Олег Митяев:

*Изгиб гитары жёлтой ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь...*

С самого утра, а некоторые даже с вечера туристы занимали места в главном «зрительном зале». Крутой склон спускался к самой воде. Вот на этом-то склоне с помощью лопат и других подручных средств сооружались «ложи», «балконы» и «партеры» от жёсткой плацкарты до вполне уютных «мягких» посадочных мест. Мы заняли позицию примерно в центральной части «зала» и «держали» её до самого вечера, сменяя друг друга, отходя по хозяйственным, продовольственным делам и иным надобностям.

А главная сцена в форме акустической гитары как бы качалась на водной поверхности широкой протоки между основной поляной, где раскинулся туристский город, и «зрительным залом» на крутом прибрежном склоне. Гриф, разграфлённый на лады, выполнял роль мостка.

Пока собственными силами и средствами зрители оборудовали места в «зале», перед сценой устанавливалась и настраивалась акустическая, усилительная и осветительная аппаратура, микрофоны и мощные колонки. На самой же сцене закрепили мачту и развернули два полотна белоснежных парусов.

Когда солнце унеслось за горизонт, блеснув на прощание золотыми лучами, уступая место на небосводе ночному светилу, в «зрительном зале» был уже аншлаг. На противоположном берегу тоже было много зрителей, хотя по местоположению сцены, скорее слушателей. Несколько небольших парусных яхточек пришвартовались к сцене, а с десятков надувных резиновых лодок дрейфовали неподалёку.

... Как отблеск от заката, костёр меж сосен пляшет.

Ты что грустишь, бродяга? А, ну-ка, улыбнись!

И вот началось действие. Каждого выходящего на сцену встречали очень тепло. А когда выходили гранды бардовской песни – Олег Митяев, Татьяна и Сергей Никитины, Юлий

Ким... и гости фестиваля – космонавты, аплодисменты и овации долго не утихали.

В «зрительном зале» и на противоположном берегу зажглись фонарики, свечи, зажигалки. Эта огненно-световая иллюминация продолжалась на протяжении всего концерта. Эхо подхватывало голоса и звуки мелодий и разносило по округе. От восторга и чувства причастности к чему-то очень масштабному перехватывало дух. Сердца вырывались из груди, бились в такт с ритмами гитарных аккордов...

И вдруг в небе жутко громыхнуло и из огромной тучи, закрывшей звёздное небо, хлынули потоки воды. Ливень. Тяжёлые капли били по головам, лицам, спинам. Буйство стихии продолжалось недолго. И совсем немногие покинули свои места. Концерт продолжился...

Мы вернулись в Уфу. Попрощались, пожелав друг другу удачи. А уже через месяц Хамит топтал солдатские сапоги на военных сборах в Оренбургской области, Людмила трудилась на практике на ВЦ Уфимского моторостроительного производственного объединения, а я шёл во главе пешей колонны курсантов 25 С-курса Ленинградского военного инженерного Краснознамённого института им. А.Ф. Можайского от станции Пери в направлении загородного учебного центра «Лехтуси»...

*...И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,
Чьи имена, как раны, на сердце запеклись,
Мечтами их и песнями мы каждый вздох наполним.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...*